

Свидетели эпохи

ИВАН
КУЛАЕВ

*Под счастливой
звездой*

Записки русского предпринимателя
1875 — 1930

Иван Кулаев

**Под счастливой звездой.
Записки русского
предпринимателя. 1875-1930**

«Центрполиграф»

Кулаев И. В.

Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя.
1875-1930 / И. В. Кулаев — «Центрполиграф»,

Удивительная жизнь и судьба Ивана Васильевича Кулаева может послужить примером для истинного предпринимателя. Он пытал счастья на приисках в тундре, тонул подо льдом Енисея, пережил китайское боксерское восстание, Русско-японскую и Первую мировую войну, революцию, национализацию имущества, бандитское похищение... Каждый раз начиная с нуля, он верил в свою удачу, в свою счастливую звезду. В книге воссоздана подлинная атмосфера быта, экономики и промышленности Сибири начала века.

Содержание

Предисловие	5
Вступление	7
Мои предки	8
Мой отец	9
Два события в нашей семье	14
Из моих детских воспоминаний	16
Новые предприятия моего отца. Его кончина	18
Начало моей самостоятельной деятельности	20
Судьба нашего медеплавильного завода	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иван Васильевич Кулаев

Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930

Предисловие

Предлагаемые вниманию читателя настоящие автобиографические записки принадлежат перу известного в Сибири и на Дальнем Востоке торгово-промышленного деятеля Ивана Васильевича Кулаева. Написаны они просто и безыскусственно человеком, имеющим богатый жизненный опыт и держащим в своей памяти много интересных впечатлений прошлой жизни. Ими автор и хочет поделиться с той читающей русской публикой, у которой сохраняется интерес к былой истории нашей родины вообще и к истории нашей сибирской окраины в частности, к былой русской активности в Маньчжурии и Китае. Некоторые материалы записок И.В. Кулаева будут сохранять свой интерес и для будущих историков жизни великой русской эмиграции в Китае и Америке.

Несомненно, большое внимание встретит книга И.В. Кулаева среди лиц, специально интересующихся историей торгово-промышленного развития Сибири, русского Дальнего Востока и Маньчжурии за последние шестьдесят – семьдесят лет. В этой книге мы можем найти то, что мы можем назвать *бытом* экономики, бытом промышленности и торговли.

Мы можем прочесть в экономических трудах, что, положим, в Сибири за такие-то годы было добыто столько-то пудов золота, но часто за этими цифрами мы не видим и не чувствуем подлинной жизни, не знаем, сколько горя, страданий, разочарований, разбитых надежд принесли эти годы отдельным сибирским золотопромышленникам и как были вознаграждены, порою совершенно неожиданно, большим золотым потоком немногие счастливицы; нам остается неизвестной при этом борьба интересов и страстей, приводившая иногда к преступлениям и судебным процессам. Короче говоря, нам, лицам сторонним от практической торговой и промышленной жизни, остается неизвестным то, что мы называли бытом этой жизни.

Мы имеем мало материала для воспроизведения этого быта и в прошлом. Почему? Только потому, что наши торгово-промышленные деятели избегали оставлять нам свои записки о своей жизни и деятельности – или находили это излишним, или просто не было навыка к этому. Если бы было иначе, мы располагали бы теперь интереснейшими и богатыми материалами. Я определенно могу это сказать относительно Сибири, нашей общей с И.В. Кулаевым родины.

Возьмем для примера хотя бы именитых старых иркутских купцов, таких как Белоголовые, Кузнецовы, Медведниковы, Трапезниковы, Сибиряковы, Пономаревы, Базановы и многие другие. Все эти люди вели большие предприятия, которые бывали порой разбросаны по всей Восточной Сибири до Аляски. Они умели жить, работать, зарабатывать громадные средства, жертвовали огромные суммы на дела благотворительности. Жизнь многих из них была интересной, разнообразной, поучительной. И если бы эти именитые иркутские купцы, хотя бы даже только часть их, оставили после себя свои автобиографические записки, мы имели бы в своем распоряжении ценнейшие материалы, по которым могли бы судить об истории экономического развития Восточной Сибири.

Вот по всем этим причинам мы и приветствуем появление в печати книги И.В. Кулаева и рекомендуем ее вниманию читателей.

И.И. Серебренников

Пекин

1937 год, июль

Вступление

В настоящей книге я хотел бы представить мою автобиографию. Я написал ее, имея за собою уже восемьдесят лет жизни, из коих почти шестьдесят пять лет прошли в самостоятельной деловой работе, в разных отраслях промышленности и торговли, в Сибири, Китае, Америке. Много ярких впечатлений дала мне моя деловая жизнь. Остались от нее некоторые живые воспоминания, которые мне и хочется запечатлеть в книге, на память моим детям, внукам, родным. Будучи с детства знаком с деловой сибирской жизнью, а затем и с делами Дальнего Востока, я хочу поделиться здесь, на страницах этой книги, и с нашим молодым русским поколением вообще своими воспоминаниями и впечатлениями моей долгой жизни.

Пока я еще не начал писать настоящие свои воспоминания, мне казалось, что я вполне сохранил свою жизнеспособность, могу вести свои дела, не замечая упадка жизненных сил, и что все прошлое неизгладимо врезалось в мою память на всю мою жизнь; но когда я приступил к составлению моей автобиографии, я почувствовал, что многое уже изгладилося из памяти, многое представляю я себе в не совсем ясных чертах. Что делать! Таков закон человеческой жизни, такова старость, и да простят поэтому меня мои читатели, если найдут в моих воспоминаниях неполноту или, может быть, порою и неточность некоторых сведений.

Я дал моим воспоминаниям название: «Под счастливой звездой».

Мое появление на свет в 1857 году совпало и с личным благополучием в нашей семье, и с благоприятными переменами в жизни моей дорогой родины, России, где в это время уже созрела и в обществе, и в правительстве мысль о немедленном освобождении крестьян от крепостной зависимости. Россия тогда от крутого царствования императора Николая I переходила к гуманному правлению Александра II и его знаменитым реформам. Последовал манифест о даровании воли крестьянам, указ об освобождении из ссылки декабристов; произошли большие перемены в государственном управлении, начали осуществляться гениальные законы Сперанского. Было преступлено к сооружению железных дорог. В 1858 году был присоединен к России богатый Амурский край, а после и Туркестан. Было постепенно введено свободное и доступное для всех классов образование.

Все эти крупные события повели к умиротворению страны и содействовали быстрому расцвету внутренней и внешней торговли государства и росту его промышленности.

События эти, годы расцвета и преуспевания родины, совпали с годами моей детской жизни. Моя жизнь началась, таким образом, «под счастливой звездой», и о ней я хочу, как сумею, поведать моим читателям.

Мои предки

Время безжалостно расправляется с человеческой памятью. Немного подробностей сохранилось у меня о жизни моих деда и бабушки. Известно, что дед мой Аким и бабушка Анна Орловы до 1805 года были крепостными людьми князя Никиты Юрьевича Трубецкого. В 1805 году дед освободился от крепостной зависимости. При каких обстоятельствах, в силу каких причин получил дед свободу? Трудно сказать – давно это было.

Жизнь Орловых протекала в большой торговой слободе Никитовке Воронежской губернии, где дед мой имел кожевенный завод. Бабушка Анна рано умерла, оставив деда с троими сыновьями. Через несколько лет после ее смерти Аким Орлов женился вторично на уроженке города Алтырки Харьковской губернии – Софье Шелестовой. Сам дед мой был малоросс родом.

Софья Шелестова была, очевидно, незаурядной женщиной. Спустя сто лет среди населения тех мест, где жила бабушка Софья, сохранилась память о ней как о добром, отзывчивом, энергичном и умном человеке. Не могла она остаться и не осталась равнодушной и пассивной к такому явлению, как крепостное право. Не осталась она равнодушной и к существовавшему тогда бесправию, к произвольным поборам с крестьян, к двадцатипятилетней рекрутской службе, когда двадцать пять лучших лет человеческой жизни отдавались на отбывание воинской повинности.

Окрестные слободы приглашали бабушку Софью на сходки, выслушивали ее мнения и безоговорочно принимали делаемые ею предложения. Бабушка пользовалась большим авторитетом.

Эту полезную деятельность Софьи Орловой власти признали, однако, революционной, направленной против существовавших правительственных порядков, и в 30-х годах прошлого столетия бабушка Софья, по указу императора Николая I, была сослана в Сибирь на каторгу.

Мой отец

Трое сыновей росли у Акима Орлова: старший Василий, средний Алексей и младший Андрей. Воспитанием всех троих ведала бабушка Софья.

Самым способным, разумевшим грамоту, что в те времена случалось не часто, был отец мой, старший из братьев, Василий. На него, тогда еще юношу, возложил дед Аким руководство кожевенным заводом, предоставив ему полную самостоятельность во вверенном его заботах деле. По инициативе моего отца был организован сбыт продуктов производства его завода на Кавказ, благодаря чему завязались у него знакомства и дружба с князьями из горцев. Одежда горцев настолько пришлась ему по вкусу, что он стал с тех пор и сам носить черкесский костюм.

Уходили годы. Приблизилось время отцу моему и на себе испытать суровый режим Николаевской военной службы: пришла очередь Василия Орлова отбывать воинскую повинность. Возможностью нанять вместо себя рекрута отец воспользоваться не захотел. Не потому, что материальные средства исключали эту возможность – нет, основная причина была в том, что внутренние убеждения моего отца не позволяли ему посылать вместо себя другого на каторгу. Да, на каторгу! Какое более подходящее название придумаешь для военной службы того времени?..

Против воли моего деда отец уехал на Азовское море. Население прилежащих к этому морю районов не подлежало в то время отбыванию воинской повинности. Молодой, энергичный, полный сил и жажды деятельности, отец мой решил заняться судостроительством. На его счастье или несчастье, не знаю, подвернулась работа: надо было поднять затонувшую баржу с товаром. Отец внес залог в обеспечение исправности работ и обязался, в случае неудачи, уплатить неустойку. На этот раз ему не повезло. Баржу благополучно подняли со дна и начали ставить ее на леса, но по неосторожности ли или потому, что не все было предусмотрено, баржа, почти в самый последний момент, перевернулась и со всем грузом пошла снова на дно моря.

Эта неудача заставила моего отца бросить свои начинания на Азовском море и вернуться на родину. Избежать воинской повинности ему так и не удалось. Но выпавшие на его долю испытания не сломили его и не изменили его убеждений. На военной службе он продолжал возмущаться и открыто высказываться против сурового, бесчеловечного военного режима, отчетливо представляя себе возможные последствия своего поведения: он совершенно сознательно, в силу своих убеждений, решил сменить военную службу на каторгу. Не надо забывать, что отец мой воспитывался в революционные годы, годы появления политических кружков и восстания декабристов. Способный, любознательный и восприимчивый юноша, под соответствующим руководством умной и развитой бабушки Софьи, он много читал и, конечно, не мог не знать и не разделять идей декабристов. А эти идеи признанием со стороны правительства не пользовались. Кончилась эта история тем, чем она и должна была кончиться: отец мой, Василий Орлов, как когда-то бабушка моя, Софья Орлова, был сослан в Сибирь, на каторгу.

Казалось, над жизнью моего отца следовало поставить крест. Однако судьба судила иначе.

В Сибирь по этапам круглый год двигались партии ссыльных. Разный люд попадал в эти партии. Нередко встречались там, так сказать, «странники по призванию», для которых весь смысл существования заключался в вольной, бродячей жизни. Не бродяжить – скука заест! Не бродяжить – значит не жить. Дойдет такой «прирожденный бродяга» до места ссылки и при первом удобном случае, с полевых работ или лесозаготовок, убежит на волю. Лето он проводит на лоне природы. Много ли надо человеку, чтобы не умереть с голоду? Выпрашивая милостыню, пробирается такой любитель вольной жизни, человек без родины, без дома, не имея никакой определенной цели, по направлению к России. На зиму он всегда обеспечен кровом и пищей. Заявляется такой бездомник зимой в полицейский участок и откровенно

сознается, что он – человек без роду и племени, не знает, как его зовут, где он родился. Такого «вынырнувшего из неизвестности» бродягу заключают, для исправления, в тюрьму. Быть на государственном иждивении для него дело привычное: ему только этого и надо. Отсидит зиму, а весной тем же самым, давно знакомым ему путем, по этапам, направляют его опять к месту поселения. Снова до зимы обеспечен он своим любимым занятием – бродяжничеством. Но разве возможно, чтобы такой любитель вольной жизни твердо осел на каком-нибудь определенном месте?

Нередко между ссыльными заключались соглашения о перемене фамилий. За известную плату человек, который уже отбыл каторгу и должен выйти на поселение, меняется фамилией с другим осужденным на каторжные работы на тот или иной срок. Подобные соглашения происходили в присутствии свидетелей из ссыльных, и условия этого своеобразного договора строго соблюдались заключающими его сторонами.

Случилось, что в одной партии с моим отцом оказался ссыльный Василий Кулаев, по происхождению грузин, который направлялся на поселение в Енисейскую губернию. Вероятно, за какое-то вознаграждение со стороны моего отца Кулаев согласился обменяться с ним фамилией.

Когда партия, о которой идет речь, прибыла к месту назначения, тюремный смотритель вызывает ссыльного Василия Кулаева. Выходит Василий Орлов – мой отец.

– Василий Кулаев? – спрашивает смотритель.

– Я! – отвечает отец.

– Выходи, свободен!

Никаких документов, удостоверяющих личность ссыльного, на руках у него нет. При желании его личность можно установить по фотографическим карточкам, прилагаемым к документам ссыльного. Но при несовершенстве фотографических снимков и однообразной одежде ссыльных трудно различать их друг от друга. Да и, вероятно, смотрителю казалось скучным и ненужным рыться в документах: к чему еще эти формальности, если сам человек налицо?

Отец мой строго хранил тайну своего прошлого, и никто из нас, детей, не знал, как протекала его жизнь в молодости. Не обмолвился он также ни словом и о своих политических убеждениях. Может быть, по мнению отца, мы были еще слишком молоды, чтобы с нами можно было делиться мыслями о государственном устройстве и существующих не порядках, а может быть, он пришел к выводу, что все его идеи об изменении жизни были для того времени несбыточными мечтами. Возможно, что не хотел он посеять в наших детских душах смуту и, кто знает, тем самым, может быть, искалечить нашу жизнь...

Кое-что о молодых годах моего отца узнал я впоследствии из рассказов моей матери, кое-что из переписки, начатой мной после его смерти, с родственниками, оставшимися в России, моими двоюродными братьями. В 1915 году довелось мне самому побывать на родине моего отца. Желая лично убедиться в истинных причинах ссылки моего отца на каторгу, вызвавших такое суровое наказание, я наводил справки об этом среди населения, которое обычно хорошо запоминает бывшие ранее какие-нибудь особо выдающиеся случаи. Такими исключительными по тем временам событиями были открытые выступления против существующего государственного строя бабушки моей Софьи Орловой и ее воспитанника, моего отца, Василия Орлова. Нашлись даже ветхие старички, современники и очевидцы происшедшего с моим отцом, которые поделились со мной своими воспоминаниями. Из них было видно, что отец мой попал на каторгу не за убийство, не за какой-нибудь акт злой воли, как уголовный преступник, а действительно за открытое выступление против того, что он считал гнетом и несправедливостью по отношению к народу, за любовь к человеку, под влиянием горячего порыва молодости. Я был теперь вполне удовлетворен и успокоен этими подтверждениями.

Трудно пришлось на первых порах моему отцу в глухой, малонаселенной Сибири. Много испытал он там в те годы. Начал он свою карьеру в Сибири со службы сельского писаря и домашнего учителя. За работу получал гроши. Освоившись с условиями края и благодаря, очевидно, своим незаурядным способностям и присущей ему энергии, он сумел, однако, добиться некоторого положения. Местом своего поселения он избрал глухой, но богатый продуктами сельского хозяйства район большого села Тюлькова, с окружающими его пятью, тоже немалыми, деревнями. Обилие продуктов сельскохозяйственного производства, при полном отсутствии их сбыта, дало отцу идею сделаться посредником по сбыту этих продуктов и на этом построить свое материальное благополучие.

Отец женился на коренной сибирячке, крестьянке села Тюлькова Прасковье Даниловне Тюльковой, единственной дочери зажиточной вдовы. Вероятно, ее мать, моя бабушка, передала свои небольшие средства в распоряжение моего отца, оказавшегося, как это выяснилось впоследствии, неплохим коммерсантом. Воспользовавшись благоприятными условиями и не имея конкурентов на поле местной коммерческой деятельности, отец удачными операциями быстро увеличил свой основной капитал. Для начала он открыл мелочную торговлю предметами первой необходимости: сахаром, солью, табаком, свечами, обувью и т. п. У населения он покупал хлеб, коноплю, масло, лен, мед, сырые шкуры и отправлял все купленное по реке Енисею зимой в город Красноярск для продажи.

Среди жителей мой отец пользовался полным доверием. Многие зажиточные хозяева привозили и сдавали ему в кредит продукты своего хозяйства, получая расчет лишь тогда, когда отцу удавалось ликвидировать сданные ему продукты. Такая постановка дела не требовала большого оборотного капитала. А дело было выгодное, и значительные барыши приумножали капитал моего отца. К тому времени, как я стал себя помнить, отец считался в Ачинском и Минусинском округах крупным капиталистом. Торговал он тогда главным образом скотом, покупая скот у местных жителей и у кочевых татар из степей Минусинского округа, славившегося скотоводством, и гнал скот гуртами на продажу в Красноярск. Не оставлял он и торговлю хлебом. Купленный хлеб отправлялся на пристани реки Енисея, где хранился в специально для этой цели построенных складах. Здесь же строились деревянные сплавные баржи, вместимостью каждая около 10 тысяч пудов. Каждую весну, в половодье, четыре-пять таких барж отправлялись в город Енисейск. Хлеб предназначался частично для единственного существовавшего там винокуренного завода Матониных, а частично для золотых приисков. В это время был самый разгар золотопромышленности в енисейской тайге.

Мои родители имели пятерых детей: троих сыновей и двух дочерей. Старшим был я, Иван Васильевич Кулаев, остальные – погодки. Когда мне исполнилось семь лет, отец взял для меня и подрастающих детей домашнего учителя. До десяти лет дети воспитывались дома, а затем отец отдавал нас в городские школы. Я поступил в 1868 году в только что открытую в городе Красноярске гимназию и проучился там до четвертого класса: отец, считая более полезным для меня изучение на практике торговой и промышленной деятельности, взял меня из гимназии и пристроил к собственному делу. Во мне отец нашел способного ученика и полезного помощника.

Первые два лета отправлял меня отец, в самый разгар работ, на золотой прииск «Богом дарованный», близ поселка Чебаки, принадлежавший его зятю Хворостову. Зимой я ездил за 700 верст в город Бийск, в районе которого служащими отца производилась закупка скота; славились там необычайно крупные быки. Первоначально скот покупался у киргизов, верст за 200 или 300 от Бийска, вблизи города Верного, потом гурты купленного скота гнали в окрестности Бийска. До весны скот кормили сеном и солью, а весной, приблизительно в апреле, голов по двести пастбищами перегоняли в Красноярск, куда скот приходил только в августе. Частично его продавали в Красноярске, но большая часть отвозилась на баржах по реке Енисею в город Енисейск, для золотых приисков.

Таким образом, в этих деловых моих поездках мне приходилось очень много работать; частые передвижения с места на место, в зависимости от торговых операций, оставляли мало времени для отдыха. Из этого видно, что отец меня не баловал, подготавливая к серьезной деловой работе в будущем.

Сделавшись состоятельным человеком, отец мой решил построить собственный дом. В версте от села Тюлькова, на окраине деревни Атамановой, на берегу речки Журы, впадающей в большую реку Чулым, занял он не менее двух десятин земли и построил на этом участке большой, просторный двухэтажный дом, с огромным подвалом при нем, удобным для склада товаров. Здесь, в этом доме, провел отец много лет своей жизни, здесь же прошли мои детские и юношеские годы.

До сих пор я почти ничего не сказал еще о своей матери. Мать моя была умным, скромным, исключительно отзывчивым человеком. Она пеклась, как могла, о крестьянах и болела душой об их нуждах. Ни одного крестьянина, привезшего из деревни хлеб на продажу, не отпускала она домой, не обогрев и не покормив у себя на людской кухне. Отец моей матери в этом никогда не сочувствовал. Мне, ребенку, казался он человеком несговорчивым и, в сравнении с матерью, черствым по отношению к крестьянской нужде.

Привозит, например, мужик для продажи, на четырех или пяти подводах, 100 пудов хорошо очищенной, просушенной на риге ржи. Цена на рожь стояла тогда годами твердая: 17—18 копеек за пуд, и потому мужик о цене не спорил. Вся беда заключалась в том, что мужику, для уплаты государственной подушной подати, до зарезу нужны были в данный момент 10—12 рублей наличными, а отец половину причитающейся мужику за проданный хлеб суммы, по заведенному им порядку, выдавал деньгами, а остальную сумму выплачивал товарами. За 100 пудов ржи полагалось уплатить 8—9 рублей деньгами и столько же товарами. Мужик, со слезами на глазах, вставая на колени, часами упрашивал отца дать ему необходимую для уплаты подати сумму деньгами. Крестьянину, за неплатеж государственной подати, угрожали строгие полицейские меры взыскания, вплоть до продажи чуть ли не последней принадлежащей ему живности, а продажа живности означала окончательное разорение. Но отец мой туго поддавался этим мольбам и просьбам. Я в те детские годы не мог без сострадания выслушивать жалобы крестьян и внутренне обвинял отца в жестокосердии. Но я не мог тогда, конечно, учитывать всех обстоятельств дела. Отказ иногда означает не жестокосердие, а просто отсутствие или ограниченность средств.

Трудно приходилось мужику-продавцу, но и положение покупателя было не из завидных. Емкость рынка была ограничена, потребителя не было — излишки хлеба хоть в реку вали. Мой отец строил при усадьбе хлебные амбары, в которых ждал своего срока непроданный хлеб. С каждым годом этих амбаров становилось все больше, и за семь или восемь урожайных лет накопилось в них до 100 тысяч пудов хлеба. Но вот в 1869 или 1870 году, точно не помню, случился по всей Енисейской губернии неурожай. Возможность подвоза хлеба издалека исключалась, ввиду недостатков путей сообщений, и цены на хлеб росли с невероятной быстротой. Отец воспользовался обстоятельствами, выждал наивысших цен и продал весь свой запас, 100 тысяч пудов ржи, по 1 рублю 20 копеек за пуд винокуренному заводу Щеголевых, находившемуся в селе Езагаже, на берегу Енисея, в 70 верстах от Тюлькова. Хлеб принимался на месте, то есть со складов моего отца. Эта операция принесла отцу 100 тысяч рублей чистой прибыли, сразу сделав его богатым человеком.

Со всех сторон после этого посыпались заманчивые предложения моему отцу заняться золотоискательством: в округе было много богатых золотых россыпей. Предложения эти не нашли, однако, отклика в моем отце: был он человек осторожный, наученный жизненным опытом, и считал золотопромышленность делом рискованным, зная, что многие теряли в этом деле свое последнее достояние, а обогащались только некоторые счастливицы.

Из ранних детских моих лет я сохранил еще воспоминание, что отец мой начал водить знакомство с жившими в нашем крае поляками, сосланными туда после Польского восстания 1863 года. Среди них встречались люди со средствами. Некоторые ссыльные основали колбасные фабрики и, при участии моего отца, начали выработку сальных свечей.

Два события в нашей семье

Вспоминаются мне два случая, взволновавшие всю нашу семью. Мне было тогда лет девять, а старшей сестре около десяти. Отец повез нас на сплавных барках по Енисею отдавать в школы. Сестру Вассу он устроил в школу при женском монастыре в городе Енисейске, где для приезжих с округа девиц имелся интернат, а местные девочки были приходящими, так как других женских учебных заведений в городе не было. Монастырская школа славилась хорошей постановкой учебного дела; в ее программу было включено обучение рукоделию, и в ней строго следили за нравственным воспитанием детей. Надо сказать, что все более или менее состоятельные жители Енисейска воспитывали своих детей в этой школе. Около года уже моя сестра жила в этом монастыре, когда случилось одно несчастное происшествие. Один из промышленников с низовьев Енисея, из города Туруханска, привез партию соленой рыбы, нельмы и осетрины, и подарил несколько пудов этой рыбы монахиням, а те накормили ею своих воспитанниц. Рыба оказалась недоброкачественной, и все девочки, без исключения, заразились глистами. Форма заболевания была тяжелой, две или три девочки умерли. Сестру мою взяли из интерната, и она потом долго, почти два года, не могла оправиться от этой болезни.

Конечно, печальный результат этого случая необходимо было отнести за счет плохо организованной в 60-х годах прошлого столетия медицинской помощи, особенно в захолустных городах Сибири.

Второе событие заключало в себе отчасти элементы комизма. В те давние годы, даже в таких крупных торговых центрах, каким был Енисейск, не существовали еще банки и переводные конторы. Деньги, вырученные в Енисейске и Красноярске от продажи хлеба и других продуктов, приходилось возить при себе. Случилось и отцу моему возить с собой 38 тысяч денег: 28 тысяч было кредитными билетами разного достоинства и 10 тысяч в государственных процентных бумагах. Приехав в город Ачинск, отец остановился в доме наших родственников Хворостовых. Дом стоял на берегу реки Чулыма, на окраине города, в соседстве с широко раскинувшейся березовой рощей, принадлежавшей городу. Хворостовы с радушием встретили отца и отвели ему весь верх, никем не занятый, своего обширного двухэтажного дома. Сами они жили внизу. Отца сопровождали двое служащих.

Когда путешественники въезжали во двор, вместе с ними туда вошел симпатичный с виду монах, в приличном одеянии. Монах оказался очень предупредительным, помог вынести из экипажа вещи моего отца и разговорился с ним, сказав, что он часто бывал у него в доме и хорошо его знает. Отец был уверен, что монах этот – хороший знакомый Хворостовых, а у Хворостовых сложилось представление, что монах приехал вместе с отцом. По обычаю, хозяева хорошо угостили своих гостей; монах тоже был приглашен к общему столу. Подошла ночь, и гости отправились ко сну. Служащие отца, вдвоем, заняли одну комнату, отец вторую и монах третью. Среди вещей отца находились две шкатулки: одна побольше, с деловыми бумагами, вторая, поменьше, – с деньгами и процентными бумагами. Монах, помогая отцу вносить вещи, видимо, заметил эти шкатулки. Отец, ложась спать, поставил большую шкатулку на сундук, который находился в его комнате, а маленькую запрятал за сундук; устав с дороги и утратив поэтому обычную свою бдительность, он не принял каких-либо особых мер предосторожности и, едва лишь коснувшись головой подушки, заснул крепчайшим сном. Ночью в комнату отца пробрался монашек, захватил полюбившуюся ему маленькую шкатулку и, никем не замеченный, спокойно ушел.

Утром, обнаружив пропажу ценной шкатулки, отец мой поднял тревогу. Поставлена была на ноги вся городская полиция, поскакала по дорогам, разбегавшимся в разных направлениях, погоня. Рвение преследователей подхлестывала надежда получить щедрую награду за обнаружение преступника. Но все усилия оказались напрасными: монашек точно в воду канул.

Как выяснилось потом, он спустился ночью к берегу реки Чулыма, переправился на лодке через реку и, не заходя ни в одну из встречавшихся на пути деревень, стороной от дороги пробрался до города Мариинска, пройдя, таким образом, расстояние в 150 верст. В городе он зашел в кабак, спросил бутылочку водки – «варначка» – и закусочки. Быстро развязала водка язык голодному монаху: захмелев, он пустился в разговоры с целовальником и за разговором не заметил, что какой-то солдатик утянул у него из-под носа заветную шкатулку.

Служивый, не медля, побежал со своей добычей на берег реки и там камнями разбил шкатулку. Кредитные билеты мелкого достоинства солдат запрятал в голенища сапог, а с крупными, не видев их никогда раньше и не представляя их ценности, отправился в полицию с заявлением о находке. В полиции солдата обыскали, обнаружили припрятанные им деньги и до выяснения дела посадили в тюрьму. Дело «выяснили» так хорошо, что вместо 38 тысяч в шкатулке осталось всего только 600 рублей.

Отец мой поехал с жалобой на творившиеся в местной полиции беззакония к губернатору в Томск. Губернатор, ознакомившись с обстоятельствами дела, принял энергичные меры, немедленно послав в Мариинск своего чиновника для обследования. Солдат рассказал следователю в присутствии отца несложную историю о том, как перешла к нему злополучная шкатулка, и показал, что, кроме денег, запрятанных в голенища, принес он в полицию большую пачку бумаг. По словам солдата, пальцы рук не сходились у него, когда он пробовал охватить ими пачку принесенных бумаг. Пристава отдала под суд, но денег в результате все же не доискались.

Отец настолько расстроен был происшедшим, что готов был покончить с собой. Украденные деньги составляли в то время весь его капитал, все, чем он располагал. Спокойнее к потере отнеслась моя мать. Она убеждала отца взять себя в руки и говорила ему:

– Ведь не деньги нас нажили, а мы их! Мы деньги наживали, когда нас еще и не знал никто. Теперь Кулаев известен, Кулаеву теперь доверяют и мужики, и купцы, хозяйство у нас большое – как-нибудь изживем постигшее нас несчастье. Да и о детях наших подумать надо...

Постепенно отец внял настойчивым доводам и уговорам матери, одумался и успокоился. Крепко запомнил я, тогда совсем еще малыш, внезапно свалившееся на нашу семью это горе.

Из моих детских воспоминаний

Часто рвется непрочная нить воспоминаний – стараюсь записать все всплывающие из прошлого отрывки моей жизни. Было мне тогда четыре или пять лет. Кто-то посадил меня на спину громадного, но смиренного, выезженного сойотского быка. Моему детскому воображению бык этот показался величиной по меньшей мере с гору. И до сих пор помнятся мне его саженьные, загнутые вниз полумесяцем рога.

История появления этого быка у нас такова. Примерно в 1862 году отец организовал разведочную экспедицию из города Минусинска в верховья реки Енисея на приток его, реку Ус, расположенную вблизи пределов Китая. Население Усинского и смежного с ним Урянхайского края составляли кочевые туземцы, которых русские называли сойотами. Наша экспедиция, преследовавшая коммерческие цели, вывезла из Усинского края, спустившись на пароме вниз по Енисею, сойотских чудо-быков двух разновидностей: во-первых, быков, поражавших своими необычайными размерами, и, во-вторых, быков с распущенными, как у лошадей, хвостами.

Экспедиции пришлось преодолеть значительные трудности, операция оказалась в результате убыточной, и впоследствии отец не возобновлял попыток наладить торговлю с Усинским краем. Но восемь лет спустя, приблизительно в 70-х годах, вдоль реки Ус появились уже русские заимки. Некоторые из заимок принадлежали моим знакомым, минусинским коммерсантам, братьям Сафьяновым, братьям Бяковым и другим, стремившимся завязать торговые сношения с новым краем. Попытки эти увенчались успехом.

Помню, что среди своих торговых забот и трудов отец не переставал интересоваться литературой, выписывая газеты и журналы. В памяти у меня сохранились названия некоторых из них: «Сын Отечества», «Нива», «Русский вестник», «Дело». В последние годы своей жизни, после двадцатилетнего перерыва, отец возобновил переписку со своими родными и послал им в подарок сибирских соболей. Не остались в долгу перед нами и родственники: мать моя получила от них на память богато вышитый позументом малороссийский кокошник, который и по сию пору хранится мной как воспоминание о тех давно минувших днях...

Я уже упоминал, что 1868 году отец повез меня с сестрой по Енисею на барках отдавать в школу. Как сумею, постараюсь поделиться первыми своими дорожными впечатлениями. Началось путешествие от пристани Даурской, расположенной на 150 верст выше Красноярска по реке Енисею. Даурская славилась выращиванием в больших количествах прекрасного по качеству табака и постройкой барж для сплава хлеба. Суровая красота тех мест производила на путешественника неизгладимое впечатление. На протяжении 150 верст сплошной стеной тянулись почти отвесные красивые скалы, состоявшие из разнообразных и до странности правильных горных пород. Скалы эти поросли сверху величественным хмурым лесом. Днем барки продвигались вперед, а к ночи приставали на ночлег к берегу. Берег был крутой, и сразу от него начиналась глубокая вода. После ограничивавшего нашу свободу двенадцатичасового плаванья на барках мы, дети, с нетерпением ждали момента ночного привала. С утра уже росло в нас непреодолимое желание бегать, прыгать, двигаться... И вот на одной из остановок, не успели еще матросы как следует укрепить сходни, как моя десятилетняя сестренка устремилась на берег. Я решил не отставать и бросился следом за ней, но потерял равновесие и бултыхнулся на глубоком месте в воду. Течение потянуло меня под барку, и мне пришлось бы плохо, если бы один из матросов самоотверженно не бросился за мной. Матросу удалось быстро настичь меня, схватить за волосы и подтянуть к берегу, где нас обоих, спасителя и спасенного, благополучно извлекли из воды.

В дальнейшем путешествие наше протекало без особенных происшествий, доставляя нам, детям, много разнообразных и приятных впечатлений.

В Красноярске меня поселили на квартире директора только что основанной гимназии, Красикова, который взялся подготовить меня для поступления в эту гимназию. Экзамены я выдержал, и началось мое гимназическое учение. Успехами в науках я похвастаться не мог. Арифметика и география давались мне без особого труда, но грамматика и история отравляли порядком мое существование и лишали радости жизни. Я был искренне рад, когда отец потом взял меня из гимназии и начал постепенно вводить в круг практической деятельности. Опыт и знания, приобретенные мной под руководством моего отца, оказались весьма полезными для меня в будущем.

Новые предприятия моего отца. Его кончина

Отец мой, составивший себе определенное отрицательное мнение о горных промыслах вообще и о разработке золотых россыпей в частности, не мог все же и сам удержаться от соблазна попытать свое счастье в этой совершенно чуждой для него отрасли промышленности. В то время, неизвестно откуда, вынырнул некий майор Медин, сделавший несколько заявок на медные рудники, расположенные в наших местах, в Ачинском и Минусинском округах. Было это в 1875 году. Медин не жалел слов, рисуя заманчивые перспективы моему отцу и соблазняя его высокими дивидендами на затраченный капитал и возможностью постоянного, на многие годы обеспеченного заработка. Старания Медина привлечь к делу моего отца, как наиболее известного в крае капиталиста, увенчались наконец успехом. В январе 1876 года в Красноярске был заключен нотариальный договор между Мединым и моим отцом, по которому отец приобрел на мое имя право половинного участия в медных рудниках, отведенных правительством Медину и уже утвержденных за ним.

Не теряя времени, приступили к оборудованию этого первого в Сибири медеплавильного завода. Он построен был в Ачинском округе, на быстрой горной реке Печище, в 8 верстах от хорошо известного Божьего озера. По одну сторону завода на сотни верст тянулась первобытная тайга, с густыми сосновыми и лиственничными лесами; по другую сторону, тоже на сотни верст, раскинулась Минусинская степь, в которой, как огромные чаши, блестели зеркальной поверхностью горько-соленые озера. Не забыть среди них тому, кто хоть раз его видел, озера Ши́ра. Верст 15 окружностью, глубиной не менее тысячи футов, озеро Ши́ра поражало прямо-таки кристальной прозрачностью своей воды, без всяких водорослей: вода в нем была минеральная, серно-соленая, и, вероятно, из-за свойств этой воды водоросли там не водились. Дно озера было выстлано гладко отшлифованными самой природой сланцевыми плитами, поверх которых тонким слоем лежал черный железистый песок, называемый на языке золотоискателей шлифом. Шлиф – это верный признак присутствия золота, неизменный его спутник.

На озере Ши́ра был расположен большой казенный курорт, со специально оборудованными ваннами. Купание в озере было настолько приятно, что могло бы поспорить с купанием на известных морских курортах Франции и Италии. В 200 саженях от этого глубокого горько-соленого озера, где отсутствовала всякая растительная и животная жизнь, значительно выше его, было расположено другое озеро, версты 3 в окружности, не столь глубокое, с чистой пресной водой и обилием рыбы. Водопровод, проложенный на протяжении 200 сажен, снабжал курорт питьевой водой из пресного озера. Последнее было окружено пологими холмами, поросшими сосновым и березовым лесом. Местность эта получила вполне заслуженное название Сибирской Швейцарии. К этому курорту я еще вернусь впоследствии, а пока продолжу рассказ о заводе.

Итак, с января 1875 года два компаньона, Медин и мой отец, энергично принялись за постройку завода, совершенно нового в крае предприятия. Обычно заводское оборудование приходилось выписывать из промышленных районов России или из-за границы, что, принимая во внимание плохую организацию транспорта, сопровождалось большой потерей времени. Компаньонам посчастливилось купить на Урале и доставить в сравнительно короткий срок паровую машину. Эта машина служила двигателем зимой, водяное колесо – летом. Для подачи воды из реки к колесу тянулись на 3 версты водоприемные деревянные плотки, высотой в аршин и шириной примерно в сажень. На заводе работали четыре небольшие домны. Небольшие размеры их обуславливались химическим составом руды, которая оказалась, по исследовании, трудноплавкой.

Завод был пущен в ход в августе того же года. А в июле, не дожив до начала работы завода, умер от чахотки главный инициатор и вдохновитель предприятия, майор Медин. Отец,

после выплавки первой тысячи пудов меди, отправил металл гужом в Томск, куда выехал затем и сам, чтобы наладить дальнейшую переотправку меди в Москву, единственный в то время рынок сбыта. В ноябре, возвращаясь на завод, отец простудил по дороге голову; два дня после этого он еще пробыл на заводе. Почувствовав себя сильно нездоровым, он собрался домой, в село, за 150 верст от завода; я находился в это время на заводе. Через четыре дня прискакал нарочный: меня спешно вызывали домой, к отцу. Я тотчас же выехал, но не застал уже отца в живых и поспел только на его похороны.

Оказалось, отец, вернувшись домой, прежде чем послать за доктором, весь в жару, с воспаленной головой, пошел в горячую баню попариться и этим сильно ухудшил свое состояние. Призванный доктор уже ничем ему помочь не мог. Через два дня после бани, не в силах побороть болезнь, отец мой скончался.

Начало моей самостоятельной деятельности

В семнадцать неполных лет я волею судьбы оказался хозяином и руководителем ряда коммерческих предприятий, среди которых находилось новое заводское хозяйство, еще не окрепшее и не устроенное. При жизни отца, по его желанию, я знакомился главным образом с промышленной деятельностью. Работа в области промышленности требовала знаний и богатого, годами приобретаемого опыта. Но даже и мой опыт, несмотря на его непродолжительность, давал мне известную опору. Не обошлось, конечно, без ошибок, в коих виноваты были моя молодость и излишнее доверие к людям; за это доверие приходилось расплачиваться.

Торговые дела отца были незначительны, я ими не интересовался и после смерти отца окончательно их ликвидировал. Отчасти этому способствовала неудача, постигшая меня на первых же порах моей коммерческой деятельности. На пристанях Енисея отцом были заготовлены три баржи: две с зерном и одна с мукой, предназначавшиеся к отправке в Енисейск. Отец, задолго до своей смерти, договорился с местными рядчиками, которые за свой счет строили сплавные баржи, грузили их зерном и направляли их к месту назначения. За каждый доставленный пуд муки или зерна им уплачивалось 10 копеек. На мое несчастье, две баржи потерпели крушение; одна из них, с зерном, села на мель. Целую неделю примитивными способами стаскивали эту баржу с мели и настолько расшатали ее корпус, что она дала сильную течь. Зерно, конечно, подмокло и погибло. Другая баржа, с мукой, на быстрине каменистого порога ударилась о скалу, разбилась и затонула.

Таков был результат моей начальной коммерческой деятельности. Мне явно не везло, потому что этим же путем, в течение десяти лет, эти же люди благополучно водили баржи с хлебом, принадлежавшим моему отцу. Тогда я совершенно отказался от торговой деятельности и всецело посвятил себя горному делу.

Судьба нашего медеплавильного завода

Оборудование медеплавильного завода, несмотря на разумную экономию и хозяйственность, обошлось в 150 тысяч рублей. За три года моей эксплуатации завода я вложил туда дополнительно еще 50 тысяч рублей. Содержание меди в руде на всех рудниках завода было вполне удовлетворительно, но инициаторами предприятия не было учтено, что в Сибири, кроме условий производства, немаловажное значение имели вопросы транспорта. Место добычи металла лежало далеко от рынков сбыта, и, чтобы попасть к месту назначения, нужно было проделать длинный путь. Медь отправлялась в Томск гужом, на крестьянских подводах, за 400 верст – 150 верст проселочными дорогами и 250 верст Московским трактом; лошади шли в непролазной грязи, почти по бездорожью. Только горькая нужда могла заставить крестьянина за ничтожную плату выполнять такой тяжелый труд. Но им надо было сколачивать копейку для оплаты государственных податей, а кроме извоза, заниматься было нечем.

От Томска медь шла на пароходе по Оби до Тюмени, а оттуда снова на лошадях, в тех же тяжелых условиях русского бездорожья, 400 верст до Перми. В Перми начиналась железная дорога, связывавшая Урал с Москвой, и до Москвы медь транспортировалась уже по железной дороге. Таким образом, полгода требовалось, чтобы доставить металл в Москву. В Москве медь продавалась по 14 рублей за пуд; транспортные издержки превышали 4 рубля с пуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.